

- : Notizen zur schorischen und tschulymischen Etymologie. – *Studia Etymologica Cracoviensia* 3 (1998): 107-123.
- Stipa, G. J.: Vom Ostseefinnischen bis zum Samojedischen reichender Lehnwortschatz im *Russian Vocabulary* (1618-19) des Richard James. – *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 77 (1981, ed. 1982): 41-66.
- : *Finnisch-ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neopositivismus*, Helsinki 1990.
- Unbegaun, B.: Zum russischen Namen des Mammuts. – *Zeitschrift für slavische Philologie* 22 (1953): 150-151.
- de Vries, J.: *Etymologisch woordenboek. Waar kommen onze woorden vandaan?*, Utrecht – Antwerpen 1967.
- Wahrig, G.: *Deutsches Wörterbuch*, München 1991.

A. M. ЩЕРБАК

К СТРУКТУРНОЙ И ПРЕДМЕТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЮРКСКОЙ РУНИКИ

Почти все тюркологи, в той или иной форме проявляющие интерес к рунике, отмечают наличие сложившихся в последние годы благоприятных условий для решения проблемы происхождения тюркского рунического письма и справедливо подчеркивают, что надежный, продуктивный путь решения указанной проблемы – в тщательном и глубоко продуманном изучении его структуры и графической системы в целом.

В. Томсен, выдающийся ученый и знаток особенностей рунической графики, считал тюркские руны скорее буквенной системой письма, чем слоговой (1894, 9-16). Многие тюркологи придерживались раньше и придерживаются в настоящее время такой же точки зрения. В отличие от В. Томсена, О. Прицак убежден, что тюркское руническое письмо следует рассматривать как слоговое (1980, 93). Обе точки зрения хорошо известны и, по-видимому, нет необходимости подробно излагать их.

Специально проблемой передачи гласных в тюркских рунических надписях занималась И. Р. Мейер, выводы которой изложены в виде обобщающей констатации всех случаев обозначения или, напротив, необозначения гласных. Утверждая, как и О. Прицак, что руническое письмо является слоговым, И. Р. Мейер приходит к заключению о регрессивном употреблении слогового знака, имплицитующем 1) (в первом слоге) отсутствие гласного или качество, придаваемое предшествующему гласному; 2) (в непервых слогах) отсутствие гласного или гласный, заданный качеством

гласного предшествующего слога. Если качество гласного не может быть установлено через предшествующий слог, обозначение его становится обязательным (1965, 199-201). Действительно, „имплицуется” не последующий, а предыдущий гласный, однако своеобразие системы рунического письма тюркок не в имплицации гласных.

Для Д. Дирингера тюркское руническое письмо – смешанная силлабо-алфавитная система (1949, 315). Не ясно, на чем основывается этот вывод, так как использование нескольких знаков для сочетаний **q**, **k** с разными гласными, во многих отношениях непоследовательное, никак не свидетельствует о смешанности принципов построения рунического письма.

Чтобы не впасть в заблуждение, следует прежде всего заметить, что у гласных в руническом письме тюркок есть своя автономная система графических средств, хотя она ограниченная и частотность употребления соответствующих знаков уступает аналогичным показателям для согласных. Фактически знаков – три, так как на графическом уровне различаются только три типа гласных: **a** (**ä**), **o** (**ö**) / **u** (**ü**), **y** (**i**).

Далее, обращает на себя внимание то, что количество знаков для гласных и согласных – чуть более 30, точнее – 31. Когда называется другая цифра – 38 или 39 – то имеются в виду также дополнительные знаки, которые дублируют графические средства передачи ряда консонантических сочетаний и сочетаний согласных **q**, **k** с гласными, дублируют, но не обозначают особые звуко-сочетания. Для слоговой системы письма такого количества графических средств явно недостаточно. Конечно, есть графические системы, располагающие небольшим количеством слоговых знаков (50), например японские **katakana** и **hiragana**. Но, за единичными исключениями, в названных системах знаки передают открытые слоги. И так как для японского языка характерен именно такой структурный тип, наличие небольшого количества знаков является вполне естественным. Больше того, теоретически допустимы слоговые системы письма с еще меньшим количеством знаков, разумеется, при условии наличия соответствующих структурных особенностей языка. Тюркские же слоги структурно многообразны, представлены разные типы, не допустимо лишь стечение согласных в начальной позиции: **Г**, **ГС**, **ГСС**, **СГ**, **СГС**,

СГСС. Их невозможно передать, основываясь на принципах слогового письма, ни 31 знаком, ни 38 (39), ни даже 100 знаками.

Руническое письмо тюркок несколько напоминает слоговое частичным отсутствием обозначения гласных, однако не имеет ничего общего с ним: знаки отсутствуют в определенных условиях, которые, скажем, в текстах из Монголии, в так называемых „царских” текстах, довольно четко очерчены и поддаются описанию. Так, гласный первого слога может быть передан отсутствием знака, фонетическая значимость которого устанавливается с помощью графики последующих слогов, подобно тому как фонетическая значимость переданных графически второго и третьего слогов, исключая конечную позицию в слове, выявляется посредством графики первого слога. Иное чтение стоящих рядом знаков для согласных в первом слоге полностью исключено, так как в древнетюркском языке стечения согласных в подобных позиционных условиях недопустимы. Таким образом, в первом слоге могут быть обозначены все гласные, кроме **a**, **ä**; в конце слова – все гласные, включая **a**, **ä**.

Основная особенность правил передачи гласных – экономия графических средств, с преобладающей ориентацией на безусловную необходимость обращения к ним для обеспечения понимаемости текста. В соответствии с этими правилами все односложные слова с узкими нелабиализованными и узкими и широкими лабиализованными гласными переднего и заднего ряда, а также некоторые слова с полуширокими нелабиализованными гласными переднего ряда выписаны полностью, и одного этого факта достаточно, чтобы подтвердить несостоятельность отнесения рунического письма тюркок к типу слоговых систем. Сплошная графическая передача гласных в соответствующих односложных словах, по существу, не знает исключений, и поэтому необходимость в ссылках на источники отпадает. Ср.: **el** (**il**) ‘племенной союз’, **beš** ‘5’, **byng** ‘1000’, **bir** ‘1’, **biz** ‘мы’, **bod** ‘тело’, ‘туловище’, **bol** ‘будь!’, **boz** ‘серый’, **bu** ‘этот’, **bung** ‘печаль’, ‘скорбь’, **čor** – титул (?), **čub** – этническое подразделение, **y** ‘растение’, ‘растительность’, **ič** ‘внутренняя часть’, **jer** ‘земля’, **jyl** ‘год’, **jyš** ‘чернь (горный лес)’, **jol** ‘дорога’, **joq** ‘нет’, ‘отсутствие’, **jüz** ‘100’, **kök** ‘небо’, ‘голубой’, **köl** ‘озеро’, **kü** ‘слух, молва’,

‘слава’, **küč** ‘сила’, **Kül** – имя собств., **kün** ‘день’, ‘солнце’, **küng** ‘служанка’, ‘рабыня’, **ol** ‘он’, ‘тот’, **on** ‘10’, **ong** – чин, должность, **oq** ‘стрела’, **ot** ‘огонь’, **ot** ‘трава’, **öd** ‘время’, **ög** ‘мать’, **öng** ‘перед’, **ört** ‘огонь’, **öz** ‘сам’, **qyrq** ‘40’, **qyz** ‘девочка’, **qonj** ‘овца’, **qor** ‘все’, **qum** ‘песок’, **qul** ‘раб’, **qut** ‘счастье’, ‘блаженство’, **siz** ‘вы’, **söz** ‘слово’, **sub** ‘вода’, **sü** ‘войско’, **tyl** ‘язык’, ‘лазутчик’, **ton** ‘одежда’, **toq** ‘сытый’, **tört** ‘4’, **tün** ‘ночь’, **türk** – этноним, **tüz** ‘равный’, **u** ‘сон’, **üč** ‘3’. Напротив, в односложных словах с широкими нелабиализованными гласными заднего и отчасти переднего ряда гласные не выписаны, то есть они обозначены отсутствием специальных графических средств: **(a)j** ‘луна’, ‘месяц’, **(a)lp** ‘герой’, **(a)q** ‘белый’, **(a)t** ‘лошадь’, **(a)z** ‘мало’, **(a)z** – этноним, **(e)b** ‘дом’, **(e)ng** ‘самый’ (превосход. ст.), **(e)r** ‘муж, мужчина’, **(e)š** ‘друг’, **b(a)j** ‘богатый’, **b(a)r** ‘есть’, ‘наличие’, **b(a)rs** ‘барс’, **b(a)š** ‘голова’, **B(a)z** – имя собств., **j(a)š** ‘год’, ‘возраст’, **j(a)š** ‘слеза’, **j(a)z** ‘весна’, **q(a)č** ‘сколько’, **q(a)n** ‘правитель’, **q(a)ng** ‘отец’, **q(a)r** ‘снег’, **q(a)š** ‘бровь’, **s(e)n** ‘ты’, **š(a)d** – титул, **š(e)g** ‘падаль’ (?), **t(a)γ** ‘гора’, **t(a)ng** ‘заря, рассвет’, **t(a)p** ‘служи!’, **t(a)š** ‘камень’, **t(a)š** ‘внешняя часть’, **t(a)t** ‘чужеземец’, ‘иноплеменник’, **t(e)g** ‘подобный’, **t(e)r** ‘пот’.

К сказанному добавим, что и в значительном количестве многосложных слов, за пределами первого слога, имеет место эпизодическая передача всех гласных графическими средствами. При этом одни из них выступают как словоизменительные или словообразовательные формы односложных слов с лабиализованными или узкими нелабиализованными гласными. Некоторые же выписаны полностью, чтобы избежать смешения с другими словами. Наконец, есть слова с полным обозначением гласных, оказавшиеся таковыми, очевидно, случайно.

Не меньше примеров сплошной передачи графическими средствами гласных в енисейских надписях, однако этот цикл рунических памятников нуждается в специальных комментариях. Уровень исполнения многих енисейских надписей ниже уровня орхонских: правила графической передачи гласных часто не соблюдаются с достаточной степенью строгости и время составления их должно быть отнесено к периоду частичной деградации рунического письма. Нередко наблюдается отсутствие обозначения

гласных в случаях, когда оно совершенно необходимо, иногда же гласные выписываются почти без ограничений, например в тексте Кёжээлиг-Хову.

Завершая структурную и предметную характеристику рунического письма тюрков, остается обратить внимание на те специфические черты его структуры, которые вызывают повышенный интерес у исследователей.

Сначала – о знаках, традиционно относимых к силлабическому типу и передающих сочетания **oq ~ uq**, **qo ~ qu**; **ök ~ ük**, **kö ~ kü**; **uγ ~ qu**. Несомненно, они дополнительные, избыточные, не имеющие очевидных прототипов в согдийском или каком-либо другом алфавите. Вместе с тем, было бы излишней смелостью считать, что творец рунического письма, создавая дополнительные знаки, ставил цель „разбавить” его алфавитный тип силлабическим. Дополнительные знаки вводились, скорее всего, для усложнения письма, для увеличения в нем элементов тайнописи. Кстати сказать, такие знаки не обязательно обозначают слоги: нередко в начале, середине и конце слова они выступают в сочетании с графическими средствами, передающими соответствующие гласные. Внимательный просмотр надписей на памятниках в честь Кюльтегина и Тоньюкука позволяет говорить об обычности использования их в качестве собственно консонантических знаков. Становится очевидным, что введение специальных графических средств для сочетаний согласных **q**, **k** с разными гласными предопределено не фонографическими, а совершенно иными обстоятельствами, и они должны рассматриваться не как силлабические, а как псевдосиллабические знаки.

Теперь о знаках, передающих сочетания согласных **nt**, **lt**, **nč**, **rt**. Эти знаки обычно называют лигатурами, так как принято думать, что фрагменты их восходят к рунам, обозначающим входящие в такого рода сочетания согласные. Они также являются дополнительными, избыточными, так как **n** и **t**, **l** и **t**, **n** и **č**, **r** и **t** параллельно могут обозначаться порознь. Само наличие рассматриваемой группы знаков стало важным стимулом в попытках придать тюркскому руническому письму несколько иной первоначальный вид: увеличить количество знаков до 66, то есть практически ввести в него знаки для любых допустимых в тюркских языках консонантических сочетаний. Так, продолжительное время

исследующий рунику и посвятивший описанию результатов ее исследования ряд интересных и ценных работ О. Ф. Серткая полагает, что имеющимися в нашем распоряжении знаками для передачи сочетаний согласных далеко не исчерпывается инвентарь подобных графических средств. Он склоняется к мысли и даже убежден, что будут обнаружены тексты с „недостающими” 14 лигатурами для передачи сочетаний согласных **lč, lq, lk, nq, nk, np, rč, rq, rk, rp, rs, st, št, jt** (1994, 291). Однако существование таких знаков маловероятно. По крайней мере, до сих пор не обнаружено ни одного полноценного текста, свидетельствующего в пользу предположения о „недостающих” лигатурах. Встречаются знаки, использование которых носит случайный характер, причем, как правило, в надписях, практически не поддающихся осмысленному чтению и толкованию из-за лакун или по причине несовершенства исполнения (1983, 29, 30, 36 и сл.). Необходимо подчеркнуть: упорядоченное, кодифицированное руническое письмо использовалось на ограниченной территории (преимущественно в Восточном каганате) и только в пределах небольшого исторического периода (50-100 лет). Многие же из того, что выходит за обозначенные пространственные и временные границы, воспринимается как суррогат неупорядоченных графических упражнений, не содержащих ни исторической, ни бытовой информации и не дающих ничего позитивного для ответа на вопрос о происхождении рунического письма. Можно сколько угодно, с любой степенью категоричности оспаривать этот вывод, но невозможно привести хотя бы один убедительный факт, серьезно подвергающий его сомнению.

Итак, тюркская руника – бесспорно алфавитное письмо с эпизодическим дублированием сочетаний графических средств, обозначающих **q, k** + гласные, специальными знаками. Она находится в одном ряду с алфавитами семитского типа: арабским, еврейским, и ближе всего к согдийскому алфавиту, в котором также наблюдаются случаи отсутствия обозначения гласных. Мысль о своеобразии алфавитного письма подобного типа четко выражена Д. Дириджером, и здесь уместно воспроизвести полностью его заключение. „Некоторые исследователи, – пишет он, – думают, что так как северосемитское письмо не располагало знаками для гласных, оно не может рассматриваться как настоящий алфавит: согла-

сно их мнению, только греки создали алфавитное письмо. Это мнение ошибочное. Северосемитское письмо было настоящим алфавитом: по крайней мере, с семитической точки зрения” (1949, 217). Одним из таких „некоторых” исследователей является И. Е. Гельб, убежденный в том, что консонантные семитские системы с ограниченным количеством знаков (22-30) имели на самом деле слоговой характер, и не усматривающий различий между письменностями, в которых каждый знак передает согласный с определенным гласным (1982, 143 и сл.). Вероятно, можно пренебречь существенными различиями между семитскими системами и, например, японским силлабарием, действительно являющимся слоговым типом письма, но сближение их в любом случае будет условным.

Как отмечалось выше, тюркское руническое письмо включает в себя не только консонантические знаки, но и знаки для гласных, ни при каких обстоятельствах не используемые для обозначения согласных. Система вокалических средств для основной группы надписей из Монголии строго детерминирована в ее использовании, обычно не допускающем произвольного толкования текста. Эпизодическая же двусмысленность знаков этой системы предопределена тем, что, полностью соответствуя согдийской системе, как опорной модели, она не отражает своеобразия древнетюркского вокализма.

Замечание особого рода – об исторической перспективе: для эволюции рунического письма тюрок характерны не прогрессивное движение, не последовательная реализация скрытых потенций и направленность к достижению более или менее полного совершенства, а довольно быстрый регресс и полное исчезновение.

Литература

- Гельб И. Е., *Опыт изучения письма*. Пер. с англ. М., 1982.
- Васильев Д. Д., *Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея*. Л., 1983.
- Diringer D., *The alphabet. A key to the history of mankind*. London, 1949.
- Meyer I. R., Bemerkungen über Vokal- und Schriftsystem des Runentürkischen. – *Acta Orientalia*, Copenhagen, 1965, XXIX, 1-2.
- Pritsak O., Turkology and the comparative study of Altaic languages: The system of the Old Turkic runic script. – *Journal of Turkish studies*, 1980, 4.
- Sertkaya O. F., Kâğıda yazılı Göktürk metinleri ve kâğıda yazılı Göktürk alfabeleri. – *TDAY-B* (1990), 1994.
- Thomsen V., Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par... – *MSFOu*, 1896, V.

JOACHIM ŚLIWA

LÉON JEAN JOSEPH DUBOIS (1780-1846)

Un collectionneur et chercheur méconnu des scarabées égyptiens

Léon Jean Joseph Dubois est surtout connu comme graveur et litographe qui coopérait avec de nombreux chercheurs et collectionneurs¹. Il s'intéressait aussi aux monuments égyptiens². Il était en plus un médailleur recherché (c'est lui qui a fait le projet de la médaille pour commémorer la bataille des Pyramides). Son oeuvre égyptologique est également importante et intéressante, et certainement il convient de la rappeler. A partir de 1807, il se lia d'amitié avec J. F. Champollion pour les oeuvres duquel il exécuta des dessins, comme p.ex. *Le Panthéon égyptien. Collection des personnages mythologiques de l'ancienne Egypte*, 1823. Le mérite incontestable de Dubois consistait aussi à dessiner le projet du premier ensemble des caractères hiéroglyphiques pour l'Imprimerie Nationale de Paris (1840). De 1823 à 1829 il travailla dans la Monnaie de Lisbonne, et de 1832 à 1846

¹ Il dessinait entre autres oeuvres d'art les objets destinés aux catalogues des ventes aux enchères des collections aussi importantes que: M. G. F. A. Choisel-Gouffier (1818), Léon Dufourney (1819), Grivaud de la Vincelle (1820), P. P. Thédénat-Duvent (1822), J. F. Mimaut (1837), Pourtalès (1841).

² Quant aux données biographiques comp. U. Thieme, F. Becker, *Allegemeines Lexicon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart*, Vol. IX, reprint 1977, p. 611 et *Who Was Who in Egyptology*, 3-ème éd., Londres 1995, pp. 130-131.